

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

КВАНТИФИКАЦИЯ ИМЕННЫХ ГРУПП В ЯЗЫКАХ С МЕСТОИМЕННЫМИ АРГУМЕНТАМИ

В статье рассматриваются правила квантификации и особенности референциальных выражений в классе неродственных языков, имеющих местоименные клитики. Данные языки характеризуются тернарным противопоставлением словоформа : аффикс : клитика, многие из них имеют параллельные ряды личных местоимений, где так наз. свободные местоимения (*free pronouns*, полноударные словоформы) противопоставлены так наз. связанным местоимениям (*bound pronouns*), которые представляют собой либо глагольные аффиксы, либо просодически ослабленные клитики¹. Свободные местоимения в плане синтаксиса являются обычными именными группами (ИГ), в то время как связанные местоимения являются функциональными маркерами, сигнализирующими значение {определенная референция + синтаксическая роль} и имеющими дефектную дистрибуцию.

В последние десятилетия в типологической литературе возрос интерес к проблеме клитик и безударных слов. Отсчет следует вести от работы А. Цвикки [Zwicky 1977], который провел разграничение между так наз. простыми клитиками (*simple clitics*), занимающими в предложении те же линейные позиции, что и полноударные словоформы, и так наз. специальными клитиками (*special clitics*), которые размещаются по особым правилам и занимают линейные позиции, недоступные для полноударных словоформ. Так, клитические формы служебных глаголов в английском языке '*s = is, has* и '*ll = will, shall* будут признаны простыми клитиками, поскольку они занимают те же по-

Статья написана при поддержке РФФИ, проект РФФИ № 02-06-80434 «Типология языков с сентенциальными клитиками».

¹ В типологической литературе термином *bound pronoun* в описаниях языков разных семей называют по меньшей мере два разряда форм — встроенные в основу глагола аффиксальные показатели со значением лица, рода и числа и местоименные клитики. Эти два разряда различаются в концепции так наз. Лексической Функциональной Грамматики [Bresnan 1998]. Аналогичная концепция отстаивается А. Кардиналетти и М. Штарке [Cardinaletti, Starke 1999].

зиции, что их более полные корреляты: англ. *He has forgotten the book* ~ *He's forgotten the book*, *Bob will come* ~ *Bob'll come*. Напротив, безударные объектные местоимения во французском, испанском и итальянском языках будут признаны специальными клитиками, поскольку в этих языках они всегда стоят перед спрягаемым глаголом в индикативе и конъюнктиве, в то время как полноударные формы дополнений в этих же языках должны стоять после спрягаемого глагола. Подход Цвикки является излишне прямолинейным и создает проблемы при описании «простых» клитик², но он оказал стимулирующее влияние на описание «специальных» клитик в языках мира: если предположение о том, что клитики открывают особые синтаксические позиции, верно, набор синтаксических позиций, характерных для специальных клитик, характеризует особый тип языков, имеющих данные клитики. Данная гипотеза обсуждалась преимущественно в двух направлениях — а) типологии клитик как особого класса морфологических элементов и б) параметрическом описании синтаксиса языков, имеющих специальные клитики. Первое направление отражено в работах А. Айхенвальд [Aikhenvald 1998; 2002], второе — в работах К. Хейла, Э. Джелинек [Hale 1973; Jelinek 1996; 2000] и в коллективных монографиях [Halpern, Zwicky 1996; EuroClitics 1999]. А. Айхенвальд выделяет около 20 (sic!) разнородных критериев, на основе которых должны изучаться клитики в языках мира: при таком подходе есть опасность потерять из виду собственно синтаксические признаки, предположительно объясняющие их сходную дистрибуцию в неродственных языках. А. Хальперн, Э. Джелинек, напротив, исходят из гипотезы, что сходная дис-

² Так, в современном русском языке довольно трудно найти «простые» клитики в понимании Цвикки, а имеющиеся клитические частицы и служебные слова разумно делить на групповые, т. е. употребляющиеся в составе определенной группы предложения, и свободные, т. е. не привязанные к группе определенного типа. К первому подклассу отойдут русские предлоги и приглагольная энклитика *-ка* в *давай-ка*, *ну-ка*. Ко второму подклассу отойдут строгие энклитики *ли*, *же*, *бы* и неспециализированные клитики *уж*, *ведь*, *вот*, *так*, которые могут выступать и как проклитики, и как энклитики. Важно подчеркнуть, что данный синтаксический критерий полностью оправдывается различиями в просодии: групповые клитики в русском языке, точно так же как суффиксы и приставки, обнаруживают редукцию гласных и оглушение на концах морфем, ср. *на* [nъ] *стол*, *под* [pъt] *сумкой*, в то время как свободные клитики произносятся без редукции гласного и не имеют конечного оглушения, т. е. акцентуируются как самостоятельные слова, ср. *но* [no] *стол*, *ведь* [ved'] *Катя*. Между тем, следуя подходу Цвикки, оба подкласса русских клитик приходится отнести к разряду «специальных». Ср. [Zimmerling 2003].

трибуция клитик в разных языках определяется принадлежностью последних к одному и тому же синтаксическому типу; при этом, однако, оказывается, что существенные различия между языками, имеющими клитики, игнорируются или описываются предвзято. Промежуточное положение занимают труды С. Андерсона [Anderson 1993], который, с одной стороны, стремится вывести дистрибуцию клитик из некоторого общего синтаксического закона, согласно которому специальные клитики тяготеют ко второй позиции от начала синтаксической структуры (так наз. закон Ваккернагеля), с другой — пытается вывести данный закон из предположительно более общих морфологических свойств самих клитик. В результате закон Ваккернагеля в трактовке Андерсона оказывается значительно более расплывчатым и менее верифицируемым, чем у самого Я. Ваккернагеля, обосновавшего свой закон на материале индоевропейских языков в 1892 г. [Wackernagel 1892]. Большинство лингвистов, занимавшихся законом Ваккернагеля, отталкивались от материала древних и новых индоевропейских языков³. Исключение составляют работы К. Хейла [Hale 1973] и Э. Джелинек [Jelinek 1996], которые считают каноническими языками с законом Ваккернагеля языки варлпири, семьи пама-ньюнган (Австралия) и люмми, салишской семьи (Сев. Америка). На основании данных К. Хейла и Э. Джелинек ряд специалистов по общей грамматике, прежде всего Б. Парти и А. Кратцер, делают выводы о том, что наличие местоименных клитик совершенно особым образом сказывается на синтаксисе языка: в языках, где местоименные клитики могут занимать позиции подлежащего и дополнений (так наз. языки с местоименными аргументами, *pronominal argument languages*), свободные именные группы (ИГ) не могут занимать данные синтаксические позиции (Э. Джелинек) и не могут быть квантифицированы при помощи детерминирующих выражений типа англ. *every* «всякий», *most* «боль-

³ Закон Ваккернагеля действует как в древних индоевропейских языках — ведическом языке, санскрите, древнегреческом, авестийском, латинском, хеттском, древнеирландском, готском, древнеисландском, древнерусском, староиспанском, так и в ряде современных индоевропейских языков, ср. сербохорватский, словенский, болгарский, чешский, словацкий языки и язык пашто (афганский). См. подробнее в кн. [Циммерлинг 2002]. Закон Ваккернагеля обнаруживается также в большом числе языков других семей в разных ареалах, в частности в ряде австралийских языков семьи пама-ньюнган, центрально-филиппинских языках (тагальский, бикол, себуано), берберских языках афразийской семьи, языках салишской и вакашской семей (Тихоокеанское побережье Сев. Америки), языках группы запотек отомангской семьи (Мексика).

шинство», по «ни один» (Б. Парти). Неспособность ИГ занимать позиции подлежащего и дополнений объясняется тем, что языки с местоименными аргументами имеют особую структуру составляющих и не предполагают бинарного членения предложения на группу подлежащего и группу сказуемого. Невозможность квантификации ИГ при помощи детерминирующих выражений (D-кванторы) объясняется отсутствием синтаксических механизмов, локализирующих кванторное слово в непредикатных составляющих; языки с местоименными аргументами предположительно имеют только так наз. обстоятельственные кванторы (А-кванторы), сферой действия которых является предикация в целом. Эмпирическое обоснование данных гипотез развернуто в коллективной монографии [Bach et al. 1995] и в позднейших статьях авторов данной монографии (Б. Парти, М. Бейкер, Э. Джелинек).

Хотя в существующей форме гипотезы Джелинек и Парти фальсифицируемы, они крайне интересны тем, что поднимают вопрос о связи между такими параметрами языка, как наличие/отсутствие клитик и наличие/отсутствие артиклей и артиклеобразных выражений. Представляется вероятным, что в языках, в которых действует закон Ваккернагеля, и прочих языках, имеющих специальные клитики в смысле Цвикки, употребление местоименных клитик регулируется одними и теми же референциальными ограничениями. Кроме того, в языках данного класса регулярно возникают ограничения на квантификацию ИГ, употребление определенной и неопределенной ИГ.

Так, в романских языках, где есть дублетные формы личных местоимений, лишь ударные местоимения могут формировать самостоятельное высказывание, допускать операции контрастивного выделения, противопоставления, сопоставления, употребляться вместе с ограничивающими словами типа САМ или ТОЛЬКО. Местоименные приглагольные объектные клитики в романских языках данной возможности лишены, ср. ит. *Maria conosce [solo lui]* «Мария знает [только его]», но не **Maria lo-CL conosce solo*, *Maria conosce [lui e voi]* «Мария знает [его и вас]», но не **Maria [lo -CL e vi -CL] conosce*, *Maria conosce LUI, non voi* «Мария знает ЕГО, не вас», но не **Maria lo-CL conosce, non vi-CL*. Романские объектные клитики занимают место внутри глагольной группы (обычно — контактно с формой финитного или нефинитного глагола) и перемещаются в предложении вместе с глаголом. Аналогичные ограничения прослеживаются и в южно- и западнославянских языках, где связанные местоимения имеют статус сентенциальных клитик и занимают вторую позицию от начала предложения.

Естественно сделать вывод, что дистрибутивные ограничения на употребление связанных местоимений в контекстах, предполагающих логическое выделение, обусловлены не синтаксическим статусом местоименного элемента (глагольная клитика vs. сентенциальная клитика) и тем более не занимаемой им линейной позицией, а морфологическим противопоставлением двух серий местоимений. Полноударные словоформы личных местоимений линейно не закреплены и характеризуются полным набором позиций, характерных для ИГ в высказываниях с логическим выделением; это позволяет приравнять их в плане синтактики к существительным. Напротив, просодически ослабленные личные местоимения (клитики) имеют дефектную дистрибуцию и возможны лишь в коммуникативно нейтральных высказываниях без логического выделения; в то же время они отличаются большей степенью обязательности, закрывая аргументные позиции, без которых предложение будет неграмматично. Так, в македонском языке ИГ, занимающие позиции дополнений, в обязательном порядке дублируются местоименными клитиками: макед. $My_i=go_j$ = даде на сина_i си_k «Он(а) дал(а) это своему сыну», букв. « $e\mu y_i=eto_j$ дал(а) на-сын_i себе_k», предложение без местоименного повтора макед. $*go_j$ = даде на сина_i неграмматично. Сочетание высокой степени грамматической обязательности романских и славянских местоименных клитик с их дефектной синтаксической дистрибуцией побудило отдельных исследователей поставить вопрос, что такие элементы, как макед. μy и go , находятся на пути превращения из местоименных словоформ в глагольные аффиксы. Для большинства романских и славянских языков такая интерпретация не проходит по формально-синтаксическим причинам. Более адекватна трактовка романских и славянских местоименных клитик как служебных синтаксических элементов, закрывающих позиции прямого и косвенного дополнений.

В романских языках, как известно, развита система артиклей и существуют выражения со значениями определенного и неопределенного артикля. То же касается некоторых славянских языков (болгарский, македонский), где развился суффиксированный определенный артикль [Томиć 1996: 513–520]. В македонском языке ИГ, дублируемая местоименной клитикой, должна быть определенной; для нарицательных существительных это требование равнозначно добавлению суффиксированного артикля. Ср. мак. $My_i=j_j$ = дадов **книга**=та_j на Иван_i «Я дал эту книгу Ивану», букв. « $e\mu y_i=e\ddot{e}_j$ =дал-я **книга**=та_j на-Иван_i», невозможно $*My_i=j_j$ = дадов **книга** на Иван_i. Независимо от наличия служебных слов, которые могут быть

квалифицированы как артикли, в современных европейских языках, где действует закон Ваккернагеля и/или есть специальные местоименные клитики, ИГ занимают синтаксические позиции, что часто приводит к местоименным повторам, когда один и тот же член предложения выражается, с одной стороны, местоименной клитикой, стоящей во второй позиции или примыкающей к глагольной словоформе, с другой стороны — полноударной словоформой. Ср. исп. *Lo_i vimos, a Juan_i* «Мы видели Хуана», букв. «*ego_i* = видели-мы *Xuana_i*»⁴.

В части языков с местоименными клитиками (ср. язык люмми) свободные ИГ вообще не могут быть квантифицированы: показатели числа и определенности встроены здесь в основу предиката и получают статус аффиксов. В языках этого типа квантификация с помощью артиклей невозможна: определенный и неопределенный артикли отсутствуют. Как подчеркивает Э. Джелинек, в люмми невозможны симметричные предложения тождества и характеристики со связкой типа англ. *John is the scoundrel* «Джон — негодяй» [Jelinek 1996: 293; 2000: 231].

В других языках с местоименными клитиками квантификация и выражение значения определенности зависят от синтаксической позиции, занимаемой ИГ: так, в тагальском языке лишь подлежащая ИГ охарактеризована в плане определенности⁵. В этих

⁴ Одним из доводов в пользу того, что в романских и славянских конструкциях с местоименным повтором типа исп. *Lo_i vimos a Juan_i* и местоимение, и ИГ занимают аргументные позиции дополнения, является то, что ИГ типа *a Juan* охарактеризована в плане падежа; в данном случае предлог *a* удобно интерпретировать как показатель косв. п. Во многих языках Нового Света возникают внешне аналогичные структуры со связанными личными местоимениями, встроеными в глагольную словоформу, и кореферентными им существительными, но они интерпретируются иначе: связанные личные местоимения охарактеризованы в плане категории падежа и семантической роли Агенса vs. Пациенса и являются обязательным компонентом схемы высказывания, в то время как существительные лишены падежных маркеров и могут быть опущены без ущерба для структуры предложения. Ср. пример из языка навахо (атабаскская семья): *diné_i 'ashkii_j yiyiilt_{sá}* «мужчина увидел мальчика», букв. «мужчина_i мальчик_j он_i-его_j-увидел»; тот же смысл может быть выражен и одной глагольной формой *yiyiilt_{sá}* «он_i-его_j-увидел». Словоформы *diné* «человек» и *'ashkii* «мальчик» в языке навахо сами по себе не охарактеризованы в плане ролевой семантики, но их линейный порядок сигнализирует, что первая из них является Агенсом, а вторая — Пациентом.

⁵ Интерпретация субъектно-предикатных отношений в тагальском и других центральнофилиппинских языках остается предметом дискуссии. Существует традиция называть определенную ИГ в тагальском языке не «подлежащим», а «топиком», но отказ от выделения подлежащего в данном случае не выглядит перспективным, поскольку в тагальском языке есть пассив, т. е. диатезное пре-

условиях показатели категории числа обычно оформляются как особые аффиксы, а не как словоформы или клитики. Квантификация с помощью артиклеобразных выражений возможна. Кванторные выражения со значением 'многий', 'много', 'весь', 'все' почти повсеместно оформляются как самостоятельные словоформы.

Ограничения данного типа объясняются тем, что наличие в структуре предиката мест для референциальных и ролевых показателей, в обязательном порядке заполняемых не аффиксами, а местоименными клитиками, т.е. выражениями, обладающими определенной степенью грамматической самостоятельности, увеличивает синтаксическую избыточность в структуре предложения. Изживая повторное вхождение референциальных и ролевых показателей, некоторые языки с местоименными клитиками исключают неместоименные ИГ из сферы квантифицируемых выражений, делая их своего рода номинативным «довеском» к предикативному ядру предложения. Это позволяет добавить к предположительно универсальной типологической импликации (i) *X квантифицируем → X занимает аргументную позицию* еще одну, предположительно справедливую только для рассматриваемого класса языков: (ii) *X не квантифицируем → X не занимает аргументную позицию*.

Накопленные факты свидетельствуют о том, что трудности с квантификацией ИГ и ограничение на употребление определенной и неопределенной ИГ характерны именно для тех языков, которые имеют более одной серии личных местоимений и используют местоименные аффиксы или местоименные клитики в функции служебных маркеров, сигнализирующих значение {определенная референция + синтаксическая роль [подлежащее vs. дополнения] + [Агенс vs. Пациенс]}. Чем более полно форма сказуемого регистрирует при помощи аффиксов и клитик роли участников ситуации, тем выше вероятность того, что не все ИГ в данном языке могут быть квантифицированы. Кроме того, как было отмечено выше, связанные местоимения в неродственных языках характеризуются весьма сходными ограничениями коммуникативного плана и исключаются из контекстов, предполагающих логическое выделение референтов. В данной связи публикация монографии [Bach et al. 1995] и выдвижение гипотезы о языках с местоименными аргументами является важным событием в типологическом языкознании. В то же время сохраняются серьезные сомнения в

образовании, повышающее статус ИГ и продвигающее ее в приоритетную позицию в синтаксической иерархии.

правильности самого конструкта «язык с местоименными аргументами». Взаимосвязанные ограничения на квантификацию ИГ и употребление связанных местоимений можно интерпретировать по-разному. Кратко укажем в заключение на имеющиеся проблемы, которые требуют дополнительной разработки.

1) В рамках теории типов в качестве эталона квантифицированной ИГ $(e \rightarrow t) \rightarrow t$ берутся выражения типа англ. *most cats* «большинство кошек», *every student* «каждый студент», а не логически более элементарные типы e , ср. англ. *this cat* «кошка-опр.», или $(e \rightarrow t)$, ср. англ. *this is a cat* «это — кошка», хотя последние могут быть реализованы с помощью морфологически наиболее специализированной категории кванторных слов — определенного и неопределенного артиклей. Данное решение выглядит вполне естественно, тем более что артикль имеется в абсолютном меньшинстве языков мира. Однако именно выбор логической формы $(e \rightarrow t) \rightarrow t$ в качестве эталона дает наибольший контраст «обычных» языков с лексическими аргументами и предполагаемых языков с местоименными аргументами; согласно описаниям, последние вполне могут иметь выражения типа e и, возможно, $(e \rightarrow t)$. Ср. язык навахо: 'ashkii (1) *ła* (2) yiyiilt̩są (3) «Он увидел мальчика», букв. «мальчик_j (1) один (2) он(а)_i-его_j-увидел (3)»⁶.

2) А. Кратцер, Б. Парти и их сторонники исходят из фундаментального различия двух типов кванторов: D-кванторов, т. е. кванторных детерминативов (ср. англ. *every* 'каждый', *most* 'большинство'), и A-кванторов, т. е. обстоятельственных кванторных слов (ср. англ. *mostly* 'в основном', *usually* 'обычно'). Первые характеризуют ИГ, вторые — всю предикацию, они могут выражаться с помощью наречий (Adverbs), служебных глаголов (Auxiliaries) или особых аффиксов (Affixes)⁷. На материале европейских языков это различие работает хорошо и кажется незыблемым. Но на материале предполагаемых языков с местоименными аргументами оно порой приводит к порочному кругу. Так, если мы хотим доказать, что язык навахо лишен D-кванторов, и сталкиваемся с примерами вроде 'ashkii (1) *ła* (2) yiyiilt̩są (3) «Он-увидел (3) одного (2) мальчика (1)», букв. «мальчик_j (1) один (2) он(а)_i-его_j-увидел (3)» или *Díí* (1) 'asdzaą (2) hataał (3) «Эта (1) женщина (2) поет (3)», где син-

⁶ В отсутствие квантора *ła* ИГ в навахо, согласно Э. Джелинек, интерпретируется как референциально определенная: 'ashkii yiyiilt̩są (3) «он увидел этого мальчика».

⁷ Отсюда аббревиатура «А-кванторы», остроумно указывающая на гетерогенную манифестацию данного типа кванторных выражений.

таксические знания подсказывают, что кванторное слово относится к ИГ, а не к глаголу⁸, нам остается признать элементы *la* и *Díí* не словами, а своего рода аффиксами и объявить их А-кванторами⁹.

3) Помимо морфологической манифестации и синтаксической отнесенности D-кванторы предлагается выделять по их сфере действия. Так, если в предложении есть более одной ИГ и один квантор, информанты должны подтвердить, что высказывание, условно передаваемое ниже как «МАЛЬЧИКИ ВСЕ ДЕВОЧКИ они-их-ВИДЕЛИ», имеет единственную интерпретацию и может значить либо «мальчики видели [ВСЕХ ДЕВОЧЕК]», либо «[ВСЕ МАЛЬЧИКИ] видели девочек», но не может передавать оба значения одновременно. Имеющиеся описания языков с местоименными аргументами вроде бы говорят об обратном, но без детальных тестов на сочетаемость трудно понять, идет ли речь о контекстной неоднозначности или же о неопределенном диффузном значении, свойственном А-кванторам (на чем, разумеется, настаивают Э.Джелинек и ее единомышленники). Кроме того, диффузные значения в контексте квантификации легко могут выражаться и в языках с бесспорными D-кванторами. Ср. в русском языке: а) [ВСЕ мальчики] поцеловали девушек ~ Мальчики поцеловали [ВСЕХ девушек]; б) Мальчики и девушки перецеловались → [Все или значительная часть] мальчиков поцеловали [всех или значительную часть] девушек¹⁰.

4) Свойства аргументных позиций в языках с лексическими и местоименными аргументами предлагается изучать по заместительным свойствам местоимений: если опущение ИГ приводит к необходимости добавления местоимения, это доказывает, что ИГ занимает аргументную позицию. Для языка навахо этот тест дает отрицательный результат, а для другого атабаскского языка, слейва (Slavey), — положительный. Ср. два предложения языка слейв: а) *sú tuwele k'ágoneweli?* «Ты пробовал суп?», букв. «вопр. част. суп ты-пробовал?», б) *sú bek'ágoneweli?* «Ты его пробовал», букв. «вопр. част. его-ты-пробовал?». Данный тест выглядит красиво, но он не доказывает, что в языке, где местоимения лишены восполняющей функции, все ИГ непременно стоят в неаргументной позиции. С таким выводом трудно согласовать многочислен-

⁸ Элемент *la* в навахо описывается как энклитика, а элемент *Díí* — как проклитика.

⁹ Э.Джелинек, обходящая слово «детерминатор» применительно к языку навахо, называет элемент *la* неопределенным словом «частица» (particle).

¹⁰ В связи с последним высказыванием с двумя количественными выражениями возникает традиционная логическая проблема выбора между дистрибутивной и недистрибутивной интерпретациями, в которую мы здесь углубляться не будем.

ные факты, когда в языках со связанными местоимениями (навахо в этом плане не исключение) ИГ со значением Агенса/Подлежащего и Пациенса/Дополнения стоят в фиксированном порядке; для предполагаемых сирконстантов такой результат является неожиданным.

5) Разумно признать, что квантифицируемые ИГ в любом языке занимают аргументные позиции. Однако обратный тезис о том, что неквантифицируемые ИГ не занимают аргументных позиций, стоит доказывать для каждого языка отдельно, а не полагаться на общее определение «языков с местоименными аргументами», тем более что состав этого класса и его границы устанавливаются нечетко. Не доказано также, что один синтаксический аргумент может замещаться только одним именным либо местоименным словом, ср. упоминавшиеся в начале статьи конструкции с местоименным повтором типа исп. *Lo_i vimos a Juan_i*, букв. «*ego_i*=видим-мы на-Хуана_i». Можно, кроме того, задаться вопросом, почему в тех европейских языках, где имя существительное лишено беспредложных падежных форм, грамматисты тем не менее считают возможным трактовать выражения типа *a Juan* как форму косв. п., а не объявляют предлог *a* синтаксически незначимой «частицей» и не отказывают имени *Juan* в синтаксической категории падежа, как они это делают, обращаясь к экзотическим языкам. Очевидно, грамматисты и типологи опираются при этом на добытое неявным путем знание, что в испанском языке существительные занимают те же синтаксические позиции, что личные местоимения, у которых категория падежа есть, и что проявлением общих синтаксических свойств аргументных слов служат, в частности, упомянутое выше в п. 4) заместительное употребление местоимений, ср. рус. *Ты доел суп?* → *Ты его доел?*, а также обсуждавшееся в п. 1–3) разграничение D- и A-кванторов. Но в таком случае получается, что фундаментальные различия между классами языков по способу квантификации, вопреки исходной заявке, в конечном счете выводятся из различий в морфосинтаксическом инвентаре — большая или меньшая автономность формы сказуемого, наличие или отсутствие категории падежа имени, наличие или отсутствие артиклей и иных детерминаторов и т. п.

Перечисленные концептуальные и технические трудности, вероятно, преодолимы. Хочется верить, что взаимопроникновение теории квантификации и типологической грамматики обогатит обе дисциплины.

ЛИТЕРАТУРА

- Циммерлинг 2002 — *Циммерлинг А. В.* Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Aikhenvald 1998 — *Aikhenvald A.* 'Warekena' // Handbook of Amazonian Languages. Vol. 4. / Eds. D. G. Derbyshire, G. L. Pullum. Berlin, 1998.
- Aikhenvald 2002 — *Aikhenvald A.* Typological Parameters for the Study of Clitics, with Special Reference to Tariana // Word: A Cross-Linguistic Typology. Vol. 26 / Eds. R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald. Cambridge, 2002.
- Anderson 1993 — *Anderson S.* The Wackernagel Revenge // Language. 1993. № 1.
- Bach et al. 1995 — *Bach E. et al.* Quantification in Natural Languages // SLAP / Eds. E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee. Dordrecht, 1995.
- Bresnan 1998 — *Bresnan J.* The Emergence of the Unmarked Pronoun. Ms. Stanford University. 1998.
- Cardinaletti, Starke 1999 — Cardinaletti A., Starke M. The Typology of Structural Deficiency // EuroClitics 1999.
- EuroClitics 1999 — Clitics in the Languages of Europe. Eurotyp 20–5 / Ed. H. van Riemsdijk. Berlin; New York, 1999.
- Hale 1973 — *Hale K.* Person Marking in Warlpiri // A Festschrift for Morris Halle / Eds. St. Anderson, P. Kiparsky. New York, 1973.
- Halpern, Zwicky 1996 — Approaching Second: Second Position Clitics and Related Phenomena / Eds. A. L. Halpern, A. M. Zwicky. Stanford, California, 1996.
- Jelinek 1996 — *Jelinek E.* Definiteness and Second Position Clitics in Straits Salish // Halpern, Zwicky 1996.
- Jelinek 2000 — *Jelinek E.* Predicate Raising in Lummi, Straights Salish // The Syntax of Verb-Initial Languages. Oxford, 2000.
- Kibrik 1997 — *Kibrik A. E.* Beyond Subject and Object: Toward a Comprehensive Relational Typology // Linguistic Typology. 1997. Vol. 1 / Ed. F. Plank.
- Keenan 1976 — *Keenan E. L.* Towards a Universal Definition of «Subject» // Subject and Topic / Ed. Ch. Li. New York, 1976.
- Tomić 1996 — *Tomić O. M.* The Balcan Slavic Nominal Clitics // Halpern, Zwicky 1996.
- Wackernagel 1892 — *Wackernagel J.* Über ein Gesetz der indogermanischer Wortstellung // Indogermanische Forschungen. 1892. Bd. 1.
- Zimmerling 2003 — *Zimmerling A.* Where Prosody Meets Syntax: Russian Particles and Clitics. Paper given at the Basees 2003 Conference, Cambridge, 30.03.2003.
- Zwicky 1977 — *Zwicky A. M.* On Clitics. Indiana University Linguistic Club. 1977.